

K 1428017

100

Алморраг

АВТОГРАФ

Поэтический журнал

2

Вологда
1998

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	
Ю.Леднев, В.Кудрявцев и другие	5
ИЗБРАННОЕ	
Юрий Максим	11
Светлана Тистая	15
Валерий Архипов	17
АВТОГРАФ	
«Посади мою печаль...»	19
Игорь Северянин	20
СПЕЦВЫПУСК	
В мире Рубцова	22
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Андрей Смолин	30
Поэты Великого Устюга	32
Книжная полка	33
Мнения	14
ГОСТИ НОМЕРА	
Литобъединение	34
ЧТОБЫ ПОМНИЛИ	
Валентин Федотов	39
КОРОТКАЯ ПРОЗА	
В.Белков	40
Н. Шашуков	42
МАСТЕРА ГРАВЮРЫ	
Леонид Щетнев	44
Евгений Лебедев	
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Книжные знаки вологжан	46

В оформлении номера использованы работы художников
Тамары Нуйя, Евгения Лебедева, Михаила Брагина.

ПРЕДИСЛОВИЕ

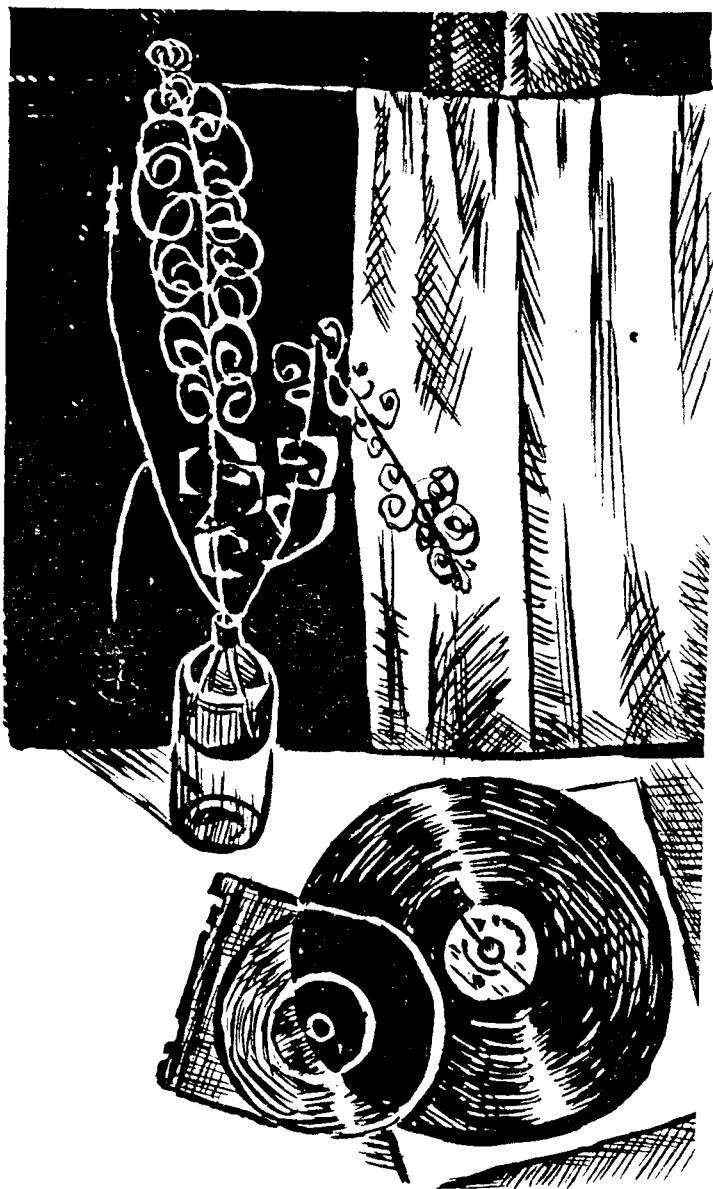
После выхода первого номера журнала “Автограф” редакция получила несколько писем от читателей. Были доброжелательные отзывы в “Красном Севере” и ряде других газет. Как вы понимаете, для молодого журнала любая поддержка дорога.

Несколько слов надо сказать об авторах второго номера, потому что не все из них хорошо знакомы читателям. Например, уроженец Череповца молодой поэт Андрей Петухов живет сейчас в Петербурге. Он выпустил недавно первую книжку стихов - “Особый материк”. А живущий в Бабаеве Николай Матвеев уже ветеран нашей вологодской литературы. Владимир Златоустов - череповецкий автор, Михаил Браславский живет в Вологде, Татьяна Хрынова - сокольчанка. Стихи Николая Сурмина и Алексея Новожилова мы взяли из антологии харовской поэзии, которую опубликовал в газете “Призыв” журналист и литератор Владимир Соколов.

В качестве эксперимента мы включили в раздел “Стихи последних лет” одно стихотворение молодого московского поэта Андрея Чемоданова. Интересно, как он будет смотреться среди вологодских авторов, и как они - рядом с ним.

Мы вновь приглашаем к сотрудничеству в журнале вологодских художников, поэтов, спонсоров и всех тех, кто хочет оставить в нашем времени свой автограф.

Редакция

Александр ДУБИНИН

Зато и жизнь не понаслышке
Я знаю, все ее дела.
Во мгле корявой злые вспышки,
Подъяты света купола.

И за автобусом автобус
Без остановки мчится в ночь.
И я со всеми еду, чтобы
Вот этим заревам помочь.

Попрошаю ветер в поле.
В ледяном моем краю:
“Будет истина на свете
Оттого, что я пою?..”

Владимир КУДРЯВЦЕВ

В ГОСТИНИЦЕ

Я не боюсь тебя нисколько,
Мороз рождественский,
Крепчай!
Сажу в гостинице Никольска
Один - завариваю чай.

Стена в разводах цвета тины.
А чай - на ужин и обед.
Пусть для веселья нет причины,
Но и для грусти тоже нет.

Есть номера и попросторней.
Переживу - ведь не на век.
Я не монах и не затворник -
Уставший просто человек.

Сажу, как в келье, -
Стол да койка.
И ни бумаги. ни пера.
Как сладко будет здесь и горько
Молчать и плакать до утра...

Андрей ПЕТУХОВ

ДОРОГА

Мы клевер высокий косили.
И вдруг - нагоняющий дрожь -
ударил невиданной силы
холодными струями дождь.

К деревне размыло дорогу,
и мы, увязая в грязи,
промокли до нитки, продрогли
под грохот внезапной грозы.

И путь до родимого крова,
веселый в погожие дни,
теперь неожиданно новый,
стал трудной дороге сродни.

А дома мы грелись, покуда
трясла неусемная дрожь,
и водкой лечили простуду,
и в окна смотрели на дождь.

В дивном мире, похожем на шар,
ничего не бывает случайным.
Ножевой в подворотне удар
и звучанье мелодий венчальных

напророчил нам взбалмошный грай
бестолковых вороньих кочевий.
И проносятся с края на край
неустроенной жизни качели.

И хотя верховодят в судьбе
неземных мудрецов прегрешенья,
я увсерен, что воля к борьбе
в мире этом имеет значенье.

Виктор КОРОТАЕВ (1939-1997)

Набродился по белому свету,
По широкой и гулкой земле,
Шумно радуясь красному лету,
Низко кланяясь снежной зиме.
Поднимался на синие горы,
Опускался на темное дно
И, пустые презрев разговоры,
Навсегда я усвоил одно:
Только в нашей великой державе,
Все познавшей - и милость, и плоть -
В недоверье, позоре иль славе
Суждено мне и плакать, и псть.
Лишь бы в этой освоенной тверди
Сил хватило до крайнего дня
У меня, -
Чтоб служить ей до смерти,

У нее, -
Чтобы верить в меня.
Мне, быть может, осталось недолго
Обивать по дорогам росу.
Но свое понимание долга
Я до крайней черты донесу.
А покамест - при всем уваженьи -
Не спешу к своему рубеску.
И, коль нету больших возражений,
Я по травке еще поброжу...

Юрий ЛЕДНЕВ

У родника стояли двое.
К руке притронулась рука.
И стало донце золотое
у родника, у родника.
Над ними ивушка качалась.
Пел жаворонок в вышине.
Они впервые повстречались
наедине, наедине.
Они впервые целовались
у родниковой ворожбы.
Две тропки в узел завязались
и две судьбы, и две судьбы.

Василий СИТНИКОВ

Синева небес -
На далекий лес,
На широкий плес,
На церковный крест,
Да на слободскую окраину,
Непогодой лютой охаянну,

Долгими дождями омытую,
С ключевой водой под ракитою,
С лапистой, кустистой смородиной,
Ту, что названа моей Родиной.

Владимир ЗЛАТОУСТОВ

ОСЕННЕЕ

К похолоделой земле
Льнут изумрудные озими.
В жизни лесов и полей
Время томительной осени.
На берегу у ручья,
Чуя недалекие вьюги,
Греют в последних лучах
Черные кольца гадоки.
Темная бронза воды.
Шорох блуждающих листьев.
Чувство какой-то беды
Вносит сумятицу в мысли.
Хрупкою кажется жизнь.
Мнишься ненужным, усталым...
Синяя-синяя высь
К новым торопит началам.

Михаил БРАСЛАВСКИЙ

СНЕГ

Не дома - старинные напевы.
И на окнах - белые цветы...
Темный цвет меняется на белый,
Снег идет на землю с высоты.
Никаких проблем он не решает
Между этих черно-белых стен, -
Возвышает мир и украшает,
Ничего не требуя взамен.

Ничего другого и не надо,
Снег идет, над городом кружа.
Если есть душа у снегопада,
Это наша, русская душа.

Василий МИШЕНЕВ

Над ночью Вологдой
Кружит легкий снег.
Я бреду по городу,
Дальний человек.
То, что было прожито,
Вспомнить все нельзя.
В тихой милой Вологде
Спят мои друзья.
Кто-то в центре города,
Кто-то за мостом.
Кто-то в доме ласковом,
Кто-то под крестом!..
Я иду к кому из них?
Где найду ночлег?
Все следы на улице
Засыпает снег!..

Николай МАТВЕЕВ

Я родился после Покрова.
В слякотную, мерзкую погоду.
Бабка-повитуха на дрова
Изрубила во дворе колоду.
Накалила печку докрасна.
Сыпнула брусники в кипяток.
- До чего водица-то скусна!
Ты испей, кормилица, чуток.
А мальца не надо укрывать -

Пусть на воле копошится сроду...
Я родился после Покрова,
В слякотную, мерзкую погоду.
И когда на воле непогодь,
Страшно в поле страннику и вору,
Я прошу, молю тебя, Господь,
Не зови к себе в такую пору.

Татьяна ХРЫНОВА

Светом полнится
Моя горница
От зари до зари.
И поют в лесу
За околицей
глухари, глухари.
Сердце мается,
Но не кается.
И, любя,
Чистым облаком опускается
Близ тебя.

Вера ВЕДЕНЕЕВА

Какой же нужен
Сгусток времени,
Здоровья,
Правды,
Веры,
Сил,
Чтобы язык
Людского племени
О единсньи
Возвестил.

Ольга КУЗНЕЦОВА

А лето золотой трухою стало.
Ее бы запасти на наш короткий век.
А раньше так некстати расцветало,
И день смеялся, словно человек.

И пели даже дикторы из "Вести",
И было яблоко неспелое за мед.
И пусть не добавлял нам
чьей-то чести

Подушек общежитский перелет.
Я не ходила, только танцевала,
И в снах твоих безвылазно была.
И тыщу раз мне руки целовала
Твоя в кудрях веселых голова.

Все то же, ну конечно, то же -
Цвстами изрисована стена.
Морщинкой первой
на упругой коже
Мысль грустная, что я уже не та.

Алексей ШАДРИНОВ (1973-1992)

Когда домой вернулся я,
Черемуха цвела.
И было слышно соловья
В саду из-за угла.

Не знаю, был ли этот сад,
И был ли этот дом?
Но много-много лет назад
Я жил в краю родном.

Не знаю, был ли этот сад.
И был ли соловей?
И мой ли дух, и мой ли взгляд
Терялся средь вствей?

Но он скользил по всем холмам.
По бревнам милых стен;
Бежал по пенистым волнам,
Не зная, что блажен...

Пусть мать лишь знает об одном:
Что след мой не истерт;
Но тополь за моим окном
Наполовину мертв...

Владимир ГЛОБА

В палатке умирал солдат,
Шел дождь, и капало с брезента.
Бинт был как пурпурная лента.
В грязи валялся автомат.
Натуженно ревел "Урал",
Засев на танковой дороге,
Врач в уголке курил "Опат",
Молчал, смотрел себе под ноги.
Окурок, прыгая в руке,
Чертил кровавые фигуры...
Все слишком явно в темноте:
Весь мир - бардак, все пули - дуры.
Под шум официальных дат
Менялись пестрые картинки,
С брезента капали дождевики.
В палатке умирал солдат.

Николай СУРМИН

ЗАЖГИТЕ СВЕТ

Господа, прошу, зажгите свет.
Стоит ли в потемках, спотыкаясь,
На глухие стены натываясь,
Нам искать того, чего уж нет.

Затерялись спички - не беда.
Господа, пошарьте по карманам.
И не тешьте вы себя обманом -
Дверь нам не откроют никогда.

Не жалейте запыленных свеч.
Пусть их воск, на фитилях сгорая,
Путь из лабиринта освещая,
Непрерывно выведет на свет.

А когда восторжествует день,
Души наши да спасет Всевышний.
Разберемся - кто чужой,

кто лишний.

А пока, прошу, зажгите свет.

Алексей НОВОЖИЛОВ

Как розы на снегу,
как кровь на простыне,
Немая боль забытого мгновенья.
Застыли наши тени на стене,
как строчки моего стихотворенья.
...Соприкасанье рук, волна огня
И губ твоих пьянящая прохлада.
Мне больше ничего уже не надо.
Я так хочу, чтоб ты была моя.

Ольга ГАРЯЕВА

По утрам гляжу в небо синее,
по ночам гляжу в небо звездное.
Там звезда горит негасимая,
молодая и несерьезная,
но на что-то сильное, грозное
неприменно может отважиться.
Посмотри со мной в небо звездное,
и тебе это тоже покажется.

Андрей ЧЕМОДАНОВ

РОМАНС

Давно пора вставать
останови будильник
прими холодный душ
и выпей горький чай
пойми мою печаль
зашнуровав ботинок
зашнуровав другой
забудь мою печаль

засунь в карман ключи
и дожидаясь лифта
проверь где кошелек
бумажник и блокнот
в подъезде закури
мне вовсе не тоскливо
мне грустно и легко
печаль моя светла

не помни обо мне
не придавай значенья
не надо бормотать
ненужные слова

забудь мою печаль
мое стихотворенья
ненужные слова
ненужные слова

Лидия МОКИЕВСКАЯ

Синий лес в инее
До небес линией.
Серп луны в облачке.
Холодны звездочки.
Ночь во тьме сказкою
Шепчет мне с ласкою:
"Уж весна нежная
Ото сна снежного
Встала вновь с радостью,
Как любовь, радужной.
Не грусти, девушка.
Подожди, девушка:
Солнце в день выплывет,
Тень ночей выгладит,
Взглянет в мир весело,
Станет вмиг тесен он.
Тесен мир песнями.
Как весна звонкими,
Как любовь, светлыми."

Ия КАБЕРОВА

ЭКСПРОМТ

Под забором лопух лопушится.
На заборе петух петушится.
Пред невестой жених женихается,
За плечом его черт чертыхается.
И уродует землю урод.
И куда только смотрит народ?

Юрий МАКСИН

Родился в Череповецком районе в деревеньке Плосково, стоящей на левом берегу Мологи. Живет в Устюжне, выпустил две книги стихотворений. Лауреат областного конкурса им. Николая Рубцова. Член Союза писателей России.

И трепет крыл,
и грозной силы мощь
в моей душе слышны попеременно,
когда дышу
настоям русских роц
или молюсь
коленипреклоненно.
О, родина! Лихие времена!
Разъела ржа
основы государства.
И жадные до крови племена
кромсают
изувеченное царство.
Доколь терпеть?
Грешно смиряться там,
где пауки
раскидывают сети.
Я б ничего не пожелал
врагам.
но видит Бог,
я им желаю
смерти.

Свободен тем, что ничего не жду,
плетя из букв
сердечные узоры
и наслаждаясь
мнимым разговором,
который в одиночестве веду.
Те звуки,
что доходят до меня
из внешнего,
разлаженного мира,
доносят пыл
словесного огня,
спалившего
последнего кумира.
Губительный пожар
чужих страстей
не трогает
мое воображенье.
В пустынный заповедник
вдохновенья
доходит свет
божественных затей...

Тучи пронзила луна,
цепь за окошком завывала.
Кошка лбом
дверь приоткрыла,
мягко прошла до окна.
Вспрыгнула,
смотрит во тьму,
не обернулась на зов.
Что-то я в толк не возьму:
кто кому

дарит здесь кров...
Слушает, смотрит, поет,
глажу ее невпопад.
На небе звезды горят,
небо вспорол самолет.
Ласт
и вост Полкан,
мерзлые цепи звенят.
Сердце тоскует без ран.
Звездочки
С неба летят...

Не колокольчика тоска
на много верст окрест.
Под ветром ветки ивняка
играют благовест.
А где-то там,
на высоте,
другой - глубокий звук
о том, что в горней красоте
не обойтись без мук.
Что высший путь - то крестный путь
и, взявшись крест нести.
нельзя обратно повернуть
и поменять пути...
Пустой замерзший гулкий лес
похож на Божий храм.
Уносит ветровой оркестр
осанну к небесам.

Они предвещали ненастье
и вот разразились грозой.
А мы говорили о счастье,
хмелил нас
беседы настой.
И мы размышляли о Боге,

как будто его уже нет.
А он постоял на пороге,
оставил ромашек букет.
И мы удивлялись, глаза
на белые с желтым цветы,
ведь осень,
от страсти пьянея,
уже оголила кусты.
Уже корабельные сосны
почуяли близость снегов.
Готовы небесные красна
и пряжа густых облаков.
И скоро заткут, заметелят,
и саван на землю падет...
Лишь старые сосны да ели
удержат земной небосвод.

И звезда не случайно упала,
поздно понял я жизни закон.
самых лучших душа выбирала,
заполняя судьбы небосклон.
Только лучшие - ярко сгорали,
а мерцали на небе моем
те, что душу
за грош продавали,
черным крася ее окоем.
И сомкнулось кольцо окоема.
Белый свет показался не бел.
И, в какую-то бездну влекомый,
я в нее бездыханный влетел.
И не пальцы к лицу прикоснулись,
а какие-то когти впились,
только очи мои не очнулись,
чтоб увидеть минувшую жизнь...
К самым лучшим
душа устремилась,
ободрав оперенье в кольцо.
Я восстал
из духовной могилы.
но остались следы на лице...

В.Белкову

Замело все пути, все дороженьки,
повалило родимую ель.
Путник мой, береги свои ноженьки,
по России гуляет мстель.
По России давно уже рыскают
злые стаи людей и зверей.
Помоги тебе Господи выстоять,
добрести до заветных дверей.
Чтоб встречали теплом, а не холодом
и никто не смотрел на часы,
чтобы честь, береженную смолоду,
не унизили взглядом косым...
По весне
плакать бедному скворушке,

заметает родимую ель.
Ангел мой,
береги свои перышки -
и тебе добираться
в мстель.

Не хранит себя Русь, а хоронит...
И чем дальше, тем горестней жить.
Без поводов неслись наши кони,
мы о том разучились тужить.
Спохватились, да, кажется, поздно -
подлетели к смертельной черте.
Вал за нею обрушится грозный,
не успеем и песню допеть...

Мнения:

«Прочитала в первом номере вашего журнала статью А.Смурова «Поэты Череповца». Там есть интересные мысли, но в целом написано очень кратко и однобоко. В нашем городе поэтов любят и многие пишут стихи, даже со школьных лет...»

Т.Молчанова, г.Череповец

«Мне посчастливилось хорошо знать Николая Рубцова. Он изумительно чувствовал византийские корни Руси. Когда я поскал в Константинополь посмотреть на святую Софию, я посылаю ему письма оттуда, а потом написал книгу «Византийский Рубцов»...»

А.Дженто, журнал «Наш современник», 1997

«Виктор Пелевин сам себя съел на книге «Чапаев и Пустота». Я ожидала от него Бог знает чего, а он замахнулся... и съел в лужу»

Маргарита Шапарова. «Книжное обозрение»

Светлана ТИЕТАЯ (Борнякова)

Вологжанка. Город Вологда – родной для нескольких поколений ее предков. Стихи Светлана пишет давно, но раньше не печаталась. Два ее стихотворения были в первом номере «Автографа». Любимые поэты – Северянин, Рубцов, Орлов...

МОЛИТВА

Мое сердце стучит в набат.
Кто же в этом так виноват?
Словно колокол там внутри
Зазвенел во мне: "Помоги!"
Ангел мой, ты хранитель мой.
Помоги мне в мой путь земной.
Защити от всякой беды,
От несчастья убереги!
Обращаюсь к святым местам,
К божьей милости, небесам,
Я прошу: не оставьте меня
В час борьбы за сиянье Добра!

Я, как сосна, расту и вверх и вниз.
Верхушкой в небо и корнями в землю.
И вместе с ней вся суть,
И все блаженство,
И осознание гармонии, и мысль,
Что мы живем не только, чтобы лечь,
Как наши предки, во сырую землю,
А чтобы унестишь душою ввысь.
Соединившись с Богом,
В этом совершенство.

Я тебе приготовлю еду
Из добра и тепла,
Посолю ее радостью,
Солнцем ее я приправлю.
Ты вкушай мою пищу,
Пусть силу приносит она.
Пусть здоровье приносит,
Когда воплотится в тебя.

У КОСТРА

Жар огня, сияние огня,
Замерцало все вокруг меня.
Очищение огнем приму
Я в твоём неведомом краю.
Жар огня, энергия огня,
Ты зажги, как веточку, меня.
Но не надо до углей сжигать,
Но не надо душу опалить.
Я, как пламя, к небу поднимусь
И дымком я к солнцу унесусь.
Непалимая душа моя,
Словно искра от костра, она.

В каждом доме
Царят свои духи:
Духи крыши и духи стен,
Самовара и кастрюли.
Печи, двери и полен.
Разожгу огонь и пищу
Я поставлю на него.
Накормлю я духов дома.
Пусть царит всегда тепло.
Счастье, радость и веселье,
Деньги водятся всегда.
Будем с духами жить в дружбе,
Ну а в ссоре никогда.

Валерий АРХИПОВ

Родился в 1951 году в г.Чойбалсан (в Монголии). Стихи начал писать в школьном возрасте. Живет и работает в Вологде. Студент-заочник Литинститута.

МЕЖДУ НАМИ

Между нами —

 стена из кленовых листьев,
между нами - война из белого снега.
Словно теплый,

 сухой и скребущий выстрел,
телефонный звонок, просящий ночлега.
А минуты - они расплескались градом.
Бьют в висок и уже никого не спасают.
Если я не приду к тебе, буду рядом.
Пусть любовник твой милый

 тебя бросает.

Подберу и ладошки твои согрею.
Сотни линий найду и про все узнаю.
Лепестки твоей памяти я развсю
по стеклянной поверхности ада-рая.
Упаду, натолкнувшись

 на ветер быстрый.

Словно лошадь, от дикого, злого бега.
Между нами —

 война из кленовых листьев,
между нами - стена из белого снега.

И ЭТО НАМ СНИТСЯ...

Страсти по белому, чистому снегу.
Бабу мы лепим, а, может, гадаем.
Сердце отчаянно рвется к побегу.
Хочешь, сегодня в любовь поиграем.
Святки. А, может быть,
 чья-то немилость.
Дерево в поле. На дереве - птица.

Это - мы двое, и это нам снится:
Вьющийся холмик

 и выюжная стылость.

В локонах дивных запутался пальчик.
Строгий овал рокового величья.
Выбегу в двери —

 взволнованный мальчик -

Громко роняя восторг исприличья.
Руки сжимаю - о, как ты желанна.
Слезы глотаю - опять ускользнула.
Ты, словно с розовых красок Сезанна.
Тихо, таинственно, чудно уснула.

БЕЛЫЙ СТРИЖ

Не мучай старых лошадей.
Не трожь залетных птиц.
Как будто знойный летний день
Застыл в твоих глазах.
Виденьем серым в этот зной
Среди чужих теней.
Как мальчик старый, но живой,
Бродил Хемингуэй.

Нам в окна дождь холодный бил,
Стекал с узорных крыш.
Косую девку полюбил
Веселый белый стриж.
Но ты, детеныш, не ревнуй.
Ведь в этом весь вопрос.
Ты молода, как поцелуй,
Я стар, как верный пес.

И в клетке нашей обжитой
Нам места не найти.
Нам для любви не достает
Огарочка свечи.
Не бойся, ведьмы злой порыв
Не тронет плоть твою.
Я промолчу, как старый гриф.
В последний раз люблю!

Поленья поздние любви
Сгорят в твоих глазах.
И в души нам войдут в крови
Болезнь, дорога, прах.
Нам в окна дождь холодный бил,
Но ты не спи, малыш.
Косую девку полюбил
Веселый белый стриж.

ТРАМВАЙНОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Отчего ж я, брошенный в трамвас,
маленький, и жалкий, и смешной,
парою московскою в угаре
сотворен с истерзанной душой.
Я гляжу на мир и плачу, плачу,
и ручонки тянутся ко всем.
Женщина, красивая, как дача,
где я жил, возьми меня совсем.
Женщина, как тортик изумрудный,
тронула мой посиневший лоб
и сказала: - Это очень трудно -
жить, не понимая добрых слов.
Ничего. Я мальчик безутешный,
мне не надо шума и вранья.
Видно, я родился в час кромешный,
в час, когда забыли про меня.
Дайте же мне ласки и заботы
вы, священник добрый и седой,
вы, солдат из безымянной роты,
вы, девица с крашеной губой,
вы, старушка дряхлая, как фея,
вы, юнец с пацанкою в дверях.
Я гляжу на вас и молодею,
я ведь я и так из малых птах.
А ведь я - младенец белокурый,
только что оставленный навек,
маленький, застенчивый и юный
брошенный на землю человек.

СОСТОЯНИЕ ТРЕВОГИ

Вздрогну волком,
огня испугавшись,
корми же нас, кормчий,
манною кашей.
Были чужие,
стали все наши,
кто не с нами,
и Бог не поможет.
Мамочка!
Что же тебя тревожит?

Царскосельский лицей не заперли?
Там уже долговая яма?
Что же души все исцарапаны,
да и кровушка под ногтями,
ну а беды берем горстями.
Я из детства тянусь и рвусь,
после вечного сна проснувшись,
мимо девочек,
мимо осси...
Так кого же еще мы бросили?
Вот Россия стоит разувшись,
а пред ней - роковая яма,
сапоги сымай
и в исподнем прыгай.
Ма-ма!!!
Под телами красивых женщин,
мужиков, под Делона стриженных,
не погибнешь, мама, не бойся.
Вот опять мы с тобою выжили.
День кончился.
Еще постреливают.
Председатель кипит в истерике:
- Не повинен я! Не повинен!

А к нему уже Бог стучался
карамелькою по осине...
День был зимний...
Жила Россия.

10.06.92

Посади мою печаль
в ломаные санки,
отвези куда-нибудь,
дальше на пол-пути.
Закопай, прошу тебя,
теплые останки,
вот тогда решусь и я
звездный путь пройти.
Без печали как легко,
с кем ни целоваться,
все равно узи господу,
дело ведь к весне.
Обниматься, поцеловать,
в травках куваться
и с повинною, как псу,
приходить к жене.
Ах, жена моя, жена,
слава моя и слава.
Ты послушай, что пою,
Бог тебя хранит.
На меня уже давно
выпалась обида.
Партбилет моей любви
пулемет пробит.

1995

Д. Д.

С ПРАВКОЙ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

В декабре 1996 года мне подарили любопытный экземпляр книги стихов Игоря Северянина «Громокипящий кубок» – М.: Гриф, 1913 с дарственной надписью, авторской правкой текста и двумя поэмами, написанными автором.

Проследить, как книга попала в Вологду, пока не представляется возможным.

Все надписи сделаны простым карандашом. В верхней части титульного листа – дарственная надпись в четыре строки:

*Дорогому другу и
учителю Арсентию Николаевичу
Насонову на добрую память
2
19 7 14 Игорь Северянин*

На стр. 115 на свободном поле листа текст:

Пропущенные поэзочки Игоря Северянина

I

*Люблю я женодѣв, мечталок тѣх,
На чьей груди амурно бредит грѣх,
Чья манит Вас гименная улыбка
И сердце чье, как вкусделенье, зыбко.*

*Чья одуванчно легкая душа
Над прозобуднем вознесет Вас сразу,
Чей алчный взгляд, то медля, то спеша,
В грезомутность зовет к архиэкстазу.*

II

*Посмей сказать, что я не прав!
Что правы те, кто как парфетки здоровы!
Я как теленок, кверху хвост задрав,
Скачу туда, где жвачновкусны травы.*

*Жизнь от анализа бледна,
Как бледнонемочны весталки.
Весной разсудочность смешна, -
Герои без инстинкта жалки.*

Примечания к поэме "Путь к свободе"

I

Любви земной, мирской тая,
На твой путь омысь бредом тая,
Твои мечты все вынеси на чужбину
И ~~твое~~ сердце твое, как выведется, убого.
Твои чувства несли душа
Най прозой жизни вознеси все сразу,
Твои мечты возьми, твои мечты, твои мечты,
В презрительном зрелище к арке извая

II

Несешь скажу, что не прав!
Что правы ты, кто как парадокс изрече!
А как ты не прав, кто как парадокс изрече,
Скажу тебе что парадокс изрече.
Несешь скажу, что не прав!
Как бы ты не прав, кто как парадокс изрече.
Несешь скажу, что не прав!
И скажу тебе что парадокс изрече.

В мире Рубцова

Рубцовский центр, действующий в Вологде, выпустил за несколько лет 13 специальных газетных приложений "В мире Рубцова". В этих выпусках публиковались работы вологодских писателей Сергея Багрова, Вячеслава Белкова, Владимира Степанова, некоторых московских и питерских критиков, вновь открытые произведения Николая Рубцова и стихи, которые многие поэты ему посвятили.

Перед вами 14 выпуск "В мире Рубцова". Как видите, он перекочевал в журнал. Мы и впредь будем писать и говорить о жизни и творчестве великого русского поэта второй половины 20 века. Хотим также сказать, что сейчас нами собраны все малоизвестные стихи Рубцова и можно начинать работу над полным собранием его сочинений.

Рубцовский центр чувствует внимание и поддержку со стороны Д.Ширяева из Дзержинска, С.Лагерева из Сургута, З.Дубининой из Артема и многих других.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Прямо стихами можно заговорить: «Листая старые страницы, находишь новые слова...» Да, я предлагаю читателям два забытых стихотворения Николая Рубцова, которые звучат для нас сегодня как бы впервые. Только слушатели или читатели дают литературе настоящую жизнь.

Но сначала – небольшое предисловие. Публикуя стихи Рубцова я уже не так волнуюсь, как прежде. Привык, наверное. За последние несколько лет разыскал и вернул читателям около сорока стихотворений замечательного поэта. Это целая книжка. А если взять еще прозу, письма... Я чувствую, что работа эта нужная, хотя особой помощи и поддержки не вижу.

В ходе поисков были и ошибки, были уточнения. Ошибочной, например, оказалась версия о том, что перу Рубцова принадлежит стихотворение «Мы наших милых мало бережем...» На самом деле его написал поэт Арсений Семенов, который одно время жил в Вологде и публиковал стихи в местных газетах. В Хабаровске он издал две книги.

Есть еще несколько текстов, авторство которых надо уточнять. В литинституте, скажем, бытовало такое четверостишие «под Омара Хайяма»:

*Хорошо, когда друзей не счесть,
Ты принес нам радостную весть –
Ты всегда считался быстроногим
В гастрономе четвертинки есть!*

Знал эти строки и Рубцов. Но кто их автор?

А вот это короткое шуточное стихотворение, видимо, принадлежит перу Николая Рубцова:

*Звезды как звезды.
Бедя лишь в том,
Что нет туалета рядом.
Я не романтик –
Зайду за дом
И звездам задам задом!*

Такие «антиромантические» стихи поэта уже публиковались в журналах «Слово» и «Наш современник», но «Звезды как звезды...» туда почему-то не попало.

Мне вспоминается один эпизод, отраженный в мемуарах о Рубцове: когда в общаге случайно распахнулся хлипкий фанерный чемодан поэта, то из него вывалилось огромное количество рукописей. Боюсь, что часть этого богатства мы уже никогда не найдем и не увидим...

Итак, сегодня публикуются два забытых стихотворения поэта. Стихотворение «Море» интересно попыткой философски осмыслить морскую стихию. Действительно, в этой стихии есть какая-то загадка: почему море так притягивает людей?

Моряки знают, что они рискуют жизнью, но все равно выходят в море. Рубцов говорит, что есть какой-то мистический зов моря.

Но море зовет не всех, а только самых сильных и смелых. Эта мысль возникает и во втором стихотворении – «Долина детства». Рубцов пишет: «Я родился с сердцем Магеллана...» Он тоже причастен к морскому племени. «Долина детства» – это вариант известного стихотворения, но вариант так сильно отличается, что имеет уже самостоятельное значение.

Вячеслав БЕЛКОВ

Николай РУБЦОВ

МОРЕ

Морской простор необычаен:
И с ураганною тоской,
И с громом волн, и с криком чаек
Непобедим простор морской!
Куда поплыл, кораблик утлый!
Иль самого себя не жаль?
Недолго ярким перламутром
Играст солнечная даль...
Вот он растет, растет из дыма,
Из грома, ветра и тоски –

Девятый вал непобедимый.
И ни души кругом, ни зги.
И вот он, сердце леденящий,
Летит на мачты, на тебя,
Громогрохочущий, кипящий,
Все сокрушая и губя!
В большой беде матросы-братья.
Кто их любил? Кто их ласкал?
Вот-вот послышатся проклятья
Матросов, гибнущих у скал.
Сигнал «Спасите наши души!»,
Кто знает, слышит ли земля?
Средь грома волн, вдали от суши
Ужасна гибель корабля...
И все же он необычайно
Не только гибелью, - и вот
И громом волн, и криком часек
Он все зовет тебя, зовет,
Зовет на бой, зовет на волю,
Зовет в сто тысяч голосов,
И вот кому-то в тихом поле
Не даст покоя этот зов.
И кто-то смелый, беспокойный
Услышит зов – рванется в путь,
С достойным встретится достойный –
Вот где она, морская суть...

ДОЛИНА ДЕТСТВА

Я родился с сердцем Магеллана
И, стихию странствий полюбив,
После дива сельского барана
Я открыл немало разных див!
Но над всем, что в памяти теснится,
Есть одна магическая власть:
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась.
И вокруг долины той родимой,
Полной света вечных звезд Руси,
Жизнь моя вращается незримо.
Как Земля вокруг своей оси!

ВОСПОМИНАНИЯ

«ОН УЛЫБАЛСЯ НА МОСТИКЕ В ШТОРМ»

О Николае Рубцове вспоминает адмирал Флота России И.М.Капитанец:

В марте 1958 года я получил назначение на должность командира эскадренного миноносца «Острый» эскадры Северного флота. В то время Северный Флот бурно рос, началось строительство атомного подводного флота и крупных надводных кораблей. Поэтому у причалов отстаиваться не приходилось, надо было решать многие боевые задачи.

Экипаж «Острога» - около трехсот человек, из них 22 офицера. Мне было тридцать лет, а морякам 18-22 года. Из всего личного состава (а я знал всех) мне запомнился старшина второй статьи Рубцов, который и до сих пор, когда вспоминаю его, стоит перед моими глазами. Среднего роста, худощавый, подтянутый, скромный и вежливый, готовый всегда выполнить приказ. Он был душой коллектива в кубрике, к нему тянулись моряки. Он им читал стихи. Рубцов был корабельным поэтом, его стихи печатались в корабельной и флотской газете «На страже Заполярья» и в других изданиях.

Ребята поколения Рубцова помнили войну, они добросовестно выполняли свой служебный долг. Рубцов был командиром отделения МЗА (расчет 37 мм автомата), нес дежурство по артиллерийской боевой части и вахту на ходу. Всегда он был собран, флотскую службу любил, особенно дальние походы.

В сентябре 58-го наш корабль получил срочную задачу – в течение двух суток пополнить запасы и выйти в район Новой Земли для обеспечения испытаний атомного оружия. Более двух месяцев экипаж был в море, в условиях осенних штормов. Вспоминаю улыбающегося Николая Рубцова на мостике в штормовую погоду.

Короткие заходы в гавань Белужья позволяли пополнить запасы и немного отдохнуть. Экипаж с честью справился с поставленной задачей и мы благополучно вернулись в город Североморск. Этому походу были посвящены стихи Рубцова, он любил море и писал о флотской службе, мужестве, о дружбе, стойкости и верности.

СОБЫТИЕ

В Череповце началась работа по изданию “Словаря языка и рифм поэзии Николая Рубцова”. Этот капитальный труд подготовил профессор Череповецкого пединститута Михаил Иванович Сидоренко. Это двадцать лет кропотливой работы. Теперь нам остается надеяться, что издатели доведут дело до конца, а читатели, библиотеки, ученые - завалят издателей заявками на эту книгу. Впрочем,

словарь получился довольно большой, и, соответственно, цена его тоже будет солидной.

Словарь М.И.Сидоренко уникален. До сих пор в нашей стране был, по сути дела, единственный подобный справочник - "Словарь языка Пушкина" (1956-1961) Готовятся еще несколько словарей классиков русской литературы. Но череповецкий ученый обогатил "Словарь языка Рубцова" новыми подходами, которые позволяют объективно оценить индивидуальность поэтической манеры поэта.

В словарь вошло шесть с половиной тысяч слов, 14 тысяч словоупотреблений. Это высокий показатель, если учесть, что Рубцов написал всего 380 стихотворений.

А.С.

Размышляя о Рубцове, о языке поэта, М.И.Сидоренко однажды высказался так:

"Николай Рубцов не деревенский, не городской поэт. Он - русский, поэт русской души. Естественно поэтому, что в его слове отразилась вся гамма этой души. Отсюда одновременно и сложность и простота рубцовской поэзии. Сложность в том, что в ней нет декларативности, заданности - это крик из самых глубин человеческой природы. Вот почему каждый из читающих воспринимает ее строки по-своему, причем при очередном чтении по-иному, глубже, проникновеннее, с новыми открытиями для себя. И так - бесконечно, ибо поэтический мир Рубцова неисчерпаем. Простота рубцовской поэзии заключается в предельной ясности слова, в удивительной мотивированности художественного образа, в той человечности, которая объединяет слово и "вылепленный" им образ.

Разговор о языке Рубцова должен быть основательным, так как язык поэта, тем более крупного, всегда зеркало мировосприятия и мировоззрения, всего духа народа в определенную эпоху, определенный период, "кусочек" времени. Надеюсь, что составленный мною словарь в какой-то мере будет способствовать проведению подобного разговора. Основания для этого, думается, есть. В словаре даются толкование слов, имен собственных, фразеологизмов, фиксируется морфологическая форма слов, лексическая и грамматическая сочетаемость последних, приводится перечень самых употребительных единиц. Заключает справочник словарь рифм, это третий полный словарь рифм одного поэта - после изданного в Америке словаря рифм Пушкина и помещенного в "Лермонтовской энциклопедии" "Словаря рифм Лермонтова".

ГОЛОСА

Разгулялись январские ветры.
День и ночь нити вьюжные вьют.
Если правда, что души бессмертны.
Не они ль так печально поют?

Над светящейся русской равниной.
Над пугающей тьмою лесов -
Как из мира иного, надрывный,
Беспорядочный рой голосов.

То ль гудит и волнуется вече
В ожидании грозных вестей,
То ли малые дети лепечут,
То ли матери кличут детей...

А за темной околицей, в поле,
Там где ветер колюч и свинцов,
Все мне слышится: "Коленька... Коля!"
Безответно: "Коля Рубцов!..."

Что за смысл в этом белом круженье?
Что за мука и боль в голосах?
В леденящие ночи Крещенья
Это имя горит в небесах!

То горяч, то задумчив и кроток,
Светом русского неба пленен,
Где теперь тот неведомый отрок
Удивительных вольных племен?

Может, там - в высоте запредельной,
На распутьях вселенной глухой...
Может, здесь - в этой пляске метельной
Между небом и грешной землей.

Валентина ТЕЛЕГИНА

ПАМЯТИ РУБЦОВА

Нет у него пристанища.
Очень давно нет мамы...
Ветер холодный с кладбища
Бьется в чужие рамы.

Угол снят. Чья-то горница -
Темная и сырая.
Ночь невольной любовницей
Душу его сжимает...

Сколько сиротства жуткого
Перенести досталось...
Только Стихи - не шутка ли? -
Дали Поэту радость!

Людмила ПЕТРОВА п. Вохтога

Ураетнику
 клубе и дружка
 Н-кулойской школы
 в Знан увидит
 сам автор
 6-го м. Рубцов

ЗАГАДКА АВТОГРАФА НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Редкий экземпляр известного многим сборника Н.М.Рубцова "Душа хранит" (С-ЗКИ, 1969) был великодушно подарен мне в вологодском селе Верховажье в 1979 году специалистом местного лесхоза Кичигиной. За эти годы сборник неоднократно мог быть утрачен, поэтому считаю необходимым поделиться информацией.

На второй стороне обложки автограф поэта.

Особенности автографа, сделанного шариковой ручкой с пастой синего цвета: отсутствие точек после инициала "Н" в названии школы и в конце фразы. Загадка же в дате: 6-го марта, как можно разобрать почерк (равно июня, июля или августа), поэт не мог подарить свою поэтическую книгу, так как сдана в набор она была только 15 октября 1969-го (подписана в печать еще позже).

Хочется надеяться, что свет на разночтения прольют педагоги или выпускники вологодской Нижне-Кулойской средней школы (Верховажский район). Вероятно, информация будет небезынтересна существующим и потенциальным рубцоведцам.

Дорог, несомненно, автограф и сам по себе. Определенную ценность сегодня, как видится, представляет и авторский сборник, выпущенный тиражом 10.000 экземпляров в год 33-летия поэта (третья его прижизненная книга).

Прилагаю ксерокс обложки сборника и автографа Н.М.Рубцова. Надеюсь, что необычный автограф увидит свет.

“НЕТ, НЕ ВЕРЮ Я БОЛЬШЕ СЛОВУ...”

Почему, думается часто, поэты, уже заявившие о себе книжками стихов, трудно находят своего читателя? Понятно, поэзия не очень-то доступна всем и каждому. Сцепления в отношениях поэт - стихи - читатель и всегда были не простыми. Но уповать на это грешно.

Суть, конечно, в вопросе: почему?

Вот, Ольга Кузнецова...

Тут сразу отметим: поэт перед нами самобытный, достаточно тонкий и чуткий лирик. Все на месте: незаемная интонация, система поэтических приемов, чувство слова, умение воплотить задуманный образ. И вообще при чтении стихов О.Кузнецовой вспоминается, прежде всего, Заболоцкий - один из наименее понятых поэтов XX века. Похожесть стилей очевидна. А это: усложненная метафоричность, передача чувств и состояний через явления природы; нередко отказ от конкретики бытия в пользу ценностей всеобщих и вечных. Словом, традиция. Но такая, которая не очень-то сильно разрабатывалась в последние годы. А это всегда помогает поэту выйти к читателю со своим “лицом”.

Но что-то не получается, не клеится. В чем же дело?

Поначалу кажется, что трудности восприятия появляются из-за композиционных промахов. Действительно, многие стихотворения О.Кузнецовой создаются по принципу загадки. Дается опорный образ, который и обыгрывается. Все это красиво. Тем более, что загадка всегда увлекает. Пока не узнаешь ответа. Собственно и вся излишне метафоричная поэзия не находит большого отклика у читателя. Во-первых, усложненность образа быстро утомляет, теряется свежесть восприятия стихотворного текста. Во-вторых, как не раз было замечено, увлечение метафоризацией скрывает сущность самого поэта. Он оказывается в “маске”, а читатель легко это угадывает и теряет доверие к стихам. В целом, конструктивность образа - не лучшее достижение современной поэзии. Может быть, поэтому и Заболоцкого причисляют к большим поэтам с известными оговорками. Не говоря уж о последователях и эпигонах.

Впрочем, как раз О.Кузнецову чувство меры не покидает. И она находит возможность иногда снять маску метафориста. И тут получается все просто и естественно:

*И у порога рая
Стояли ты и я,
Подожвы вытирая
О ветость бытия.*

Но недостатки композиции тянут за собой и другие просчеты. Например, очевидна мелкотемность многих стихотворений. Ясно, что в миллион первый раз

писать о “любви и дружбе, жизни и смерти” чрезвычайно трудно. Но и здесь еще возможны нюансы, которые привносит в вечные темы наше время. Читатель все-таки ждет новизны, но не всегда ее получает. Не тут ли один из отводов на вопрос: почему?

А вот другой поэт, Борис Гуляев... Работает он много и упорно. Его поэтика - сочетание “философских” размышлений и четкого, почти графического, изображения мгновений жизни. Мысль дополняется изображением. Причем, автор изначально, с первой строки стихотворения, раскрывает все “карты”, давая ясную картинку. В таком стиле, идущем от Некрасова, Твардовского - еще трудней скрыть вторичность образа или содержательных моментов стихотворения. Тут нужны поэтические находки, особенно на уровне лексики. Поэтическое чувство возникает в этом случае из предельной (или запредельной, как у гениев) сочетаемости каждого слова, звука. Невероятно сложная задача. И видно, что Б.Гуляев не всегда с ней справляется. Он, конечно, правильно осознает, что “разговорность” его стиля допускает применение любых лексических средств, где “высокое” слово соседствует с просторечным. Все это ныне допускается. Лишь бы была очевидна “сообразность и соразмерность” (Пушкин). И тут чувство меры часто изменяет поэту. Многовато именно риторики, впрочем, не всегда удачно и срифмованной. Например:

*Здравствуй, новый человек,
Здравствуй, юное создание,
Нежной поросли побег,
Воплощенное желание!..*

*Нынче молод, завтра стар,
свеже ветхое преданье,
Жизнь - она бесценный дар.
Здравствуй, юное создание,*

(Из книги “Белые ночи”)

Не надо обладать и развитым поэтическим чувством, чтобы увидеть фальшь, “ветхозаветность” такого поэтического настроения. Автор хочет поведать одно, получается совсем другое. Читатель это чувствует и боится остаться обманутым. Он хочет поэзии, где каждое слово на месте, и в контексте стиха предполагает лишь то значение, какое в данном случае необходимо. Инос просто скучно...

Будем верить, что и Ольга Кузнецова, и Борис Гуляев еще скажут свои лучшие слова об этом мире. И найдут возможность сделать это так, чтобы у каждого круг читателей становился все шире. Этой надеждой и надо жить.

Андрей СМОЛИН

Поэты Великого Устюга

(почти шутка)

Поэтов в Устюге мало... А где ж их много? Ну, ты скажи мне, где их много! Это же штучный товар. И вовсе не товар, и не деньги.

А раньше совсем мало было поэтов в Устюге: Василий Ситников, Николай Кутов (г.р. 1917), Анатолий Мартюков... Этим подпольным кружком руководил из эмиграции В. Суховский, как Ленин из Цюриха. Теперь Суховский в Москве, как и положено... И тут выросли новые стихотворцы, среди которых, может, самые одаренные - Вера, Андрей и Ольга. Появилась даже одна очень одаренная. Перефразируя слова вождя о Толстом, можно сказать, что до этой женщины настоящего мужика в поэзии Устюга не было! Вот так-то...

Книжки иногда в Устюге выходят, вот недавно у Климова вышла полосатая книжка, у Чернорипкой книжка про русалок где-то мелькнула, Ситников издал полное собрание своих сочинений. Кстати, самое известное в мире устюгское стихотворение принадлежит как раз Василию Ситникову. Это гимн алиментщику, в котором есть, кажется, такие строчки: "Мои детишки просто чудо, в соседа все, а не в тебя!..."

Вообще, поэты Устюга не мелочатся, они обращаются прямо к царствующим особам:

Борис Николаевич, лес-то повыврублен.

Дикарей мы сажаем на царства...

Наверно, лес вырублен ради бумаги. Не зря же в Устюге умудрились даже издать два литературных альманаха. В них, между прочим, опубликованы стихи Веры Багрецово́й, Ольги Кульневской, Андрея Климова, Татьяны Коковиной, безвременно ушедшей из жизни Валентины Синяковой и других интересных авторов... Вот на этой оптимистической ноте мы пока и закончим. Но только пока.

Н.С.

Мнения:

Когда я читал в газете рецензию Роберта Балакишина на сборник стихов Андрея Широглазова, то еще раз убедился в том, что к любому поэту надо привыкнуть. Читателю тут прощай - он сначала привыкнет, потом полюбит, а потом и поймет. Критику же надо сразу дать оценку, и это бывает трудно, и бывают ошибки... Балакишин верно заметил, что у Широглазова есть удачные строчки, но почти нет цельных законченных стихотворений. Я думаю, что это во многом вопрос жанра: череповецкий поэт пишет чаще всего песни, хотя и называет их иногда стихами. Вот и разобраться бы в этом деликатном вопросе.

А что касается отдельных строк, то... Давайте Есенина покритикуем за строки "(Друг мой, друг мой, я очень и очень болен..." А уж Северянина вообще можно с пылью смеяться.

Широглазов пишет с риском, мне нравится его безоглядность. У нас есть много авторов, которые только и умеют, что оглядываться. О них Балакишин не пишет, конечно. И правильно делает. А разговор о Широглазове будет продолжен, потому что у него есть главное - он выражает наше время.

Вячеслав БЕЛКОВ.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Юрий ЛЕДНЕВ С ангелом - скушно, с демоном - страшно: *Драматическая пьеса-поэма о Николае Рубцове*. - Вологда: Евстолий, 1998. Пробный тираж этой книги - всего несколько экземпляров. Тем не менее, хотелось бы обратить на нее внимание и процитировать пару строк из авторского предисловия: "несколько лет назад по заказу Вологодского театра для детей и молодежи я написал пьесу о Рубцове. Было предложено пять сценических вариантов, пока и режиссер Б.А.Гранатов, и я не оказались взаимно удовлетворены. Театр купил пьесу, но она так и не увидела сцены, несмотря на то, что дважды в печати и по радио руководство театра объявляло о постановке..."

Полина РОЖНОВА Радоница. *Русский народный календарь*. - М., 1997. Московская поэтесса Полина Рожнова детские годы провела на вологодской земле, и, конечно, многие ее впечатления, ощущение природы и народного языка связаны с нашим краем. Кроме стихов поэтесса пишет и такие вот книги-размышления о народной жизни, обычаях, обрядах, приметах. Знатоки этой темы, наверное, смогут сравнить книгу Полины Рожновой с работами Василия Белова, Ивана Полтуянова и других писателей.

Николай КОНЯЕВ Ангел родины: *Повесть о посмертной судьбе Николая Рубцова* // Наш современник. - 1997. - №12. Размышления питерского писателя о стихах Рубцова, о его смерти и бессмертии, об убийце поэта. Фраза из повести: "Я никогда не видел живого Рубцова. Его стихи впервые прочитал уже после рубцовой смерти в сборнике "Сосен шум". Стихи поразили меня не только своей пронзительной лиричностью, но и тем гулом судьбы, что отчетливо различался в шуме рубцовских сосен" Из этой интересной повести есть, к сожалению, несколько фактических опечаток. Например, не точно указан год смерти отца поэта, название улицы в Вологде и др.

Ольга ГАРЯЕВА Осенние сны: *Стихи*. - Вологда, 1997. Первая книжка молодой поэтессы, которая родилась и выросла в нашей Вологде. Ольга печаталась в областных газетах, в коллективных сборниках. Стихи Ольги Гаряевой немногословны, иногда афористичны. Она как бы хочет услышать, что же будет за словом, как звучит молчание. "И для счастья великой страны не хватает теперь тишины..."

Александр БРАГИН Высокая звезда: *Стихи* - М., 1997. Новая книга череповецкого литератора, на стихи которого уже написано несколько песен. Александр Брагин - один из лидеров литературной жизни Череповца, он патриот своей малой родины, ведет здесь большую общественную и издательскую работу.

Андрей ШИРОГЛАЗОВ Как долго не кончается игра: *Стихи*. - Вологда, 1997. Вторая книга стихов и несен талантливого череповецкого поэта и барда. О его творчестве писали А.Романов, А.Смуров, В.Белков, Н.Кукушкин и другие. По стихам Андрея Широглазова заметно, что он довольно скептически относится к Череповцу: "Конечно, я выжил и в этой бездарной глуши..." Но, возможно, это не касается друзей-поэтов и тех талантливых людей, которые есть в Череповце.

Андрей КЛИМОВ Полосатый мир: *Стихи*. - Вологда, 1997. А.Климов родился в 1963 году в городе Красавине, рядом с Великим Устюгом. Живет и работает на родине... Мир полосатый и стихи полосатые, то есть некоторые более удачны, некоторые менее. Климов силен, когда дает образную пейзажную зарисовку, но лиризма его стихам порой не хватает. Жаль, что этому нельзя научиться даже в литинституте.

С декабря 1997 года в Вологде работает литературное объединение под руководством О.А.Фокиной. Появился ряд имен ранее почти не известных широкому читателю. Стихи этих авторов мы и предлагаем сегодня к публикации.

Римма РОЖИНА

Стою у черной проруби
С тяжелой головой -
Серебряные голуби
Мелькают над водой,
Пробили наледь крыльями.
Рассыпали перо,
Одними сухожилиями
Намерзли на ведро.
А небо серым выменем
Набухло - вот прорвет.
И птица с моим именем
Запраталась под лед.
Ну что ты, сердце глупое,
Хозяйка пред тобой
С ведром, но не со ступою.
С багром, но не с метлой.
И что бояться нечисти,
Когда вода светла?
Пугливый голубь мечется,
Мелькают два крыла.
Чу, на горе аукают,
Схватила за ведро -
Одни ледышки булькают,
А было серебро.

Елена МОСКАЛЕВА

НОЧНОЙ ТРОЛЛЕЙБУС

Пою, а в сердце стужа.
Смеюсь, а сердцем плачу.
Вот снова ветер кружит
Цветную карусель.
За тучей солнце скрылось,
Как детский желтый мячик...
Уже вторую осень
Ложусь одна в постель.

Живу и слышу звуки.
Ношу, как траур, платье.
Искусственные розы
С искусственной росой
Уже вторую осень,
Как вечное заклатье,
Стоят в хрустальной вазе,
Подаренной тобой.

Спешит ночной троллейбус,
Хозяин перепутий
И утомленных светом
Печальных фонарей.
Спешит к своей стоянке.
Ко мне твой путь не труден,
Садись в ночной троллейбус
И приезжай скорей!

Антон ПОРОЗОВ

Свет костра в крошечной дали,
Нелегко гореть.
Я забрался под хрусталик.
Видно ли? Ответь!

Сердце стонет песней звонкой,
Серебро да медь.
Голос мой под перепонкой
Слышно ли? Ответь!

Жду: слова ко мне вернутся
Откликом в глуши,
Жду лицом лица коснуться
И душой души.

Мария ВИНОГРАДОВА

ПРИЗРАКИ ЮНОСТИ

Это мы раскачали качели,
Это мы взволновали кусты,
Это мы соловьями запели
В изумрудных сердечках листы.
Это мы побежали по дугу
И по глади озерной воды,
Это мы средь июльской выюгой
Всколыхали траву и цветы.
Это мы белоснежным туманом
Разостлались на дальних полях,
Это мы поломали, примяли
Васильки в недоспелых хлебах.
Это мы с полнолуной дорожкой,
С ярким светом далекой звезды
На чужое упали окошко
И на зеркало спящей воды.
Это мы после жгучего зноя
По измученной зноем земле
Прошагали грозой проливной
И остались росой на траве.

Светлана СТАНЕВИЧ

Какое в жизни есть
Сцепенье душ?
Какое есть сопротивление тел?
Незнакомое - вот куда стремлюсь.
Узнать бы свой - заранее! - удел.
Зачем все знать
И видеть все зачем?
Не лучше ль, уходя от суеты,
Сидеть в деревне,
Слушать тишину...
А как, мой друг,
На это смотришь ты?

Галина НЕЧАЕВА

Сентиментальна - охаю и плачу
Над горькою судьбой из сериала.
Но в жизни отношусь ко всем
иначе:
Я нищим крайне редко подавала.

Не потому, что позабыла жалость,
Что сердце к горю
холодно-жесток;
Я в двадцать семь одна с детьми
осталась,
Терпенье, труд в мои смотрели
окна.

Земной поклон кладу отцу и маме.
Что наградили стойкостью,
упорством.
Всем горько: выбирайтесь, люди.
сами.
Суп жидкий, жемчуг мелкий -
все неспросто.

Даниил ФАЙЗОВ

НЕПРИЧЕСАННЫЙ СТИХ

Каяться лохматыми страницами,
Жалость вызывать вихрастой
 строчкой,
Разориться, покориться,
 но не спиться.
Разодрать свою рубашку в клочья
Горевать и отпевать,
 пока не поздно.
Заливать и отливать,
 пока не верят.
Выгрызть из белых рук занозы:
“Извините за отвратные манеры”.
Для себя сберечь бездумие опалы,
Не растратить,
 искастрить ярлыками,
Засыпать и засыпаться
 на простужках,
Пить лишь то,
 что назовут потом стихами,
Выбрать крест не в качестве
 игрушки.
Не писать и закисать
 недельным супом,
Занимать и разнимать
 чужие сплетни,
Свою совесть не увидеть в лупу,
Разметаться, разлететься
 и сгореть мне...
И закончить
 свой стих
 не в лаг

Надежда БЕЛКОВА

Я живу ожиданьем
Часа звездной пороши,
Чтоб над всем мирозданьем
Нам взлететь, мой хороший.

Чтоб ты сбросил усталость
И условностей латы,
Хоть на самую малость
Станем счастьем крылаты.
Если в святости ночи
Страшный слух будет пущен.
Что отныне короче
Мне срок жизни отпущен,
Я не вздрогну, с любовью
Над тобою склоняясь,
К твоему изголовью
Светом звезд возвращаясь.

Эльвира ШЕВЕЛЕВА

Играл февральскою поземкой
конец зимы среди полей,
и пела выюга иве тонкой
о близости весенних дней.

Метель деревьям шубы шила.
С высоких крыш сметая снег.
А я, счастливая, спешила
Любви навстречу и весне!

Галина МАКАРОВА

ВЕЧНЫЙ КРУГ

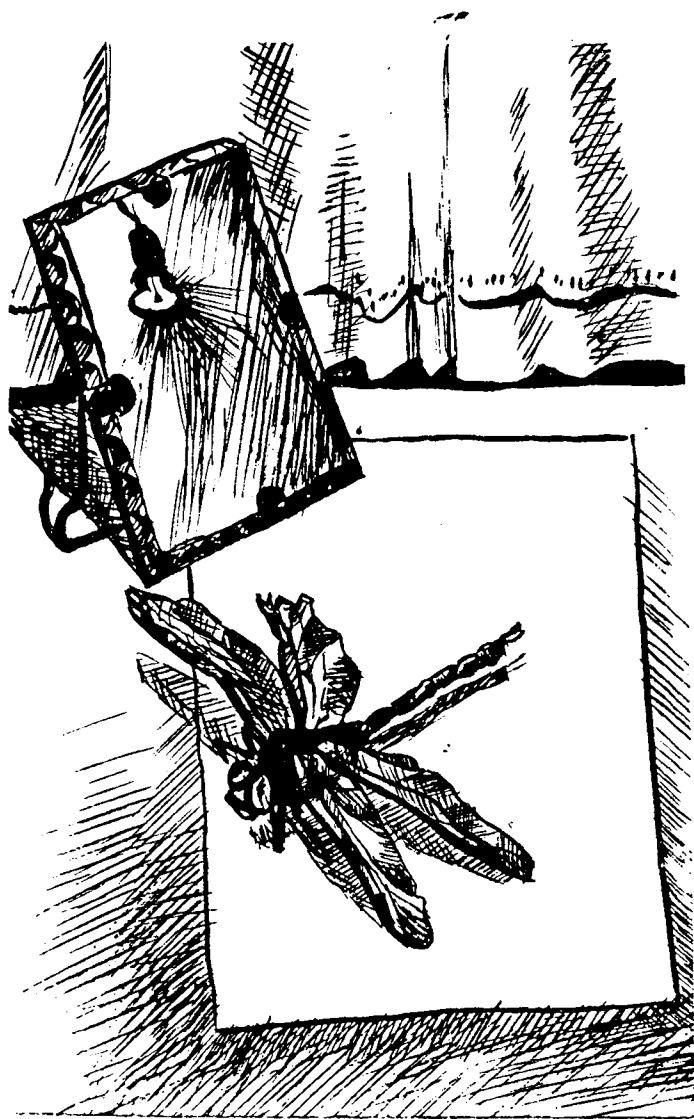
Медом знания мысли-соты
Волей полнятся Творца:
Во Вселенной есть "пустоты",
У Вселенной нет конца.

Хорошо быть канлей в море,
То сверкать, то в пар уйти,
Древним книгам сердцем вторя,
Верить: нет конца пути.

Путь - и радость, и разруха,
То пологий, то крутой.
Пусть земля мне будет пухом,
Смерть у Жизни под пятой.

Вновь однажды мы причалим
К берегу земному, друг, -
Бесконечен, безначален
Вечной жизни вечный круг.

ВАЛЕНТИН ФЕДОТОВ

Череповецкий поэт Валентин Федотов родился в далекие 30-е годы. Он закончил лесомеханический техникум, работал в леспромхозе. Учился в Литературном институте, публиковался в газетах и в журнале "Север". Весной 1981 года его не стало.

"Валентин Федотов, безвременно ушедший из жизни поэт, был необычайно искренен и в то же время строг к себе. Быть может, именно поэтому он оставил в своем архиве немного стихов. Большинство их увидело свет в сборнике "Жизнь прожить", который мне посчастливилось редактировать" (Юрий Леднев). Сегодня мы публикуем одно из стихотворений, которое не вошло в книгу. Надо сказать, что Федотова помнят на его малой родине. Школьники поселка Малечкино под руководством учителей изучают его биографию, читают его стихи.

Мне плюхнуться б в заводь покоя
Да плавать бы там, не спеша,
Но новос что-то такое
Все ищет и ищет душа.
Как будто бы рана сквозная
Болит, - я ее не лечу.
Чего совершу я, не знаю.
Чего я от мира хочу?
Становится сладкое горьким.
Подчас дорогого не жаль.
Как часто с тоскою с пригорка
Гляжу в неизвестную даль,
Зовет меня снова пространство
Лишь тем, что без края оно.

Когда ж, наконец, постоянство
Судьбою мне будет дано?
К любимой, поверьте, не зря я
Еще не ступал за порог.
Боюсь, что, ступив, потеряю
Мой парус для дальних дорог.
Из заводи тихой покоя
Опять на стремнину лечу.
Но есть все же что-то такое,
Чего я терять не хочу.
Но выпустивший голыньский кустик,
В дымящейся речке вода,
Когда захотят, не отпустят
Меня от себя никуда.

Вячеслав БЕЛКОВ

РАЗГОВОРЧИКИ

Не сиделось нам в музейном зале. Уже три часа шла Шаламовская конференция, и в музее стало душно и жарко. Мы вышли с Геной на волю, на Соборную горку, вдохнули июльского вологодского воздуха. Долго щурились, привыкая к солнечному свету.

На берег не пошли, остановились на аллее и сели на скамейку так, чтобы видеть белую кручу Софийского собора и двухэтажный дом, в котором жил Варлам Шаламов, и в котором сейчас сидели три десятка человек и слушали ученые речи.

- Не понимаю я его, Шаламова, - заговорил Гена. - Столько лет в лагерях страдать... И ради чего!.. Я бы так не смог, сразу бы повесился. А еще лучше - попытка бежать и пуля в спину... Ведь каждый день унижения и ужасы... Голод, страх, непосильная работа на морозе. Неужели к этому можно привыкнуть...

Я знаю Гену давно, мы вместе учились, и я всегда поражался, как он много и быстро говорит. Прямо без умолку. Но и других умеет слушать, слава Богу... Сейчас он специально приехал из Череповца - повидать старых друзей, зайти в институт... Но почему-то Гена был сегодня не в духе... Что ж делать, все мы иногда бываем не в духе. Не в ду-хе. То есть, видимо, нас покинул Святой Дух в этот момент, и вселился дьявол.

- Но против своего характера не попрешь, - продолжал Гена. - Какие-то гены в нем сидели. странная воля к жизни! Все увидеть и описать потом! Интересно, в какой степени это национальная черта?.. Была какая-то вера у Шаламова, хоть он и атеист. Я бы так не смог... Вот Авраам тоже - сына своего на жертвенник положил, не пожалел... Меня всегда удивляло это сочетание: с одной стороны меркантильность, а с другой - безоглядная смелость.

- Ну, Гена, ты уже не в ту степь залез. - Помолчали, закурили, но язык укоротить никто из людей не может. И приятель мой продолжал в том же темпе. Справедливости ради, замечу, что говорил он увлеченно и без желания нравиться кому-то. А мы хотим нравиться, и чаще всего - себе самому.

- Жизни я уже боюсь, столько ужасов кругом... И даже не ужасов, а нуды какой-то. Раньше мы ничего не боялись. Помнишь, как в общаге гуляли, как из нас энергия прямо перла. В читальном зале прямо от смеха давились, беспричинно, остановиться было невозможно, как зараза какая-то... На Кольку посмотрю и сразу рот себе обеими руками перекрываю, а морда-то все равно от смеха вся содрогается... А ты все на улицах пьяных поднимал, чтоб не замерзли... Сейчас, наверное, вспотеешь поднимать... Тут на курсы приехали два учителя из нашего района, молодые еще... каждую ночь пьют... Страшно... Но вот живем, из какого-

то спортивного интереса. Хотя тот же Шаламов говорил, что жизнь - унижительная вещь... Или вот Березовские эти, хотят изменить не что-то там такое, не расписание пригородных поездов, - менталитет России хотят изменить! Жизнью своей рискуют, а все равно хо-тят!.. Зачем?.. Какой-то азарт. Человеку кажется, что иначе он не может жить, он чувствует себя не в своей тарелке, и он поступает именно так, а не иначе, это как болезнь, как любовь... Это азарт, но основан он на внутреннем предназначении... Зачем Березовский это делает?.. А зачем птицы на юг летят?..

Гена на минуту замолчал и, как всегда в волнении, не курил, а только быстро и часто стряхивал с сигареты пепел... "Вот мы уже и старше Пушкина стали, и Блок скоро мальчиком нам покажется", - подумал я. И вообще настроение у меня было лирическое, не такое, как у Гены. В летние жаркие дни почему-то всегда думается о вечном, еще бы песок, пустыня... Зной прокалил все кости и камни, и в голове тихо звенит лишь одна мысль - "все проходит, все проходит", и песок сочится сквозь пальцы ног... "Тьфу-ты! Надо стряхнуть эту дремоту. Внимать надо... Вон опять туристы подкатили..."

На площади из большого белого автобуса вылезали пестрые туристы. Видимо, иностранцы. Гена тоже обратил на них внимание:

- Едут за тыщи километров, даже из Японии. Хотят видеть... Даже к нам в Череповец ездят. Я когда приехал туда в первый раз после распределения, вышел на вокзале, вдохнул - и выдохнуть не могу, горло перехватило... Вообще, долго бронхитом мучился. А потом привык. Все живут... В нашем индустриальном гиганте...

Глянув на часы, я понял, что сейчас из музея повалят участники конференции, и Гена поспешит к искусствоведу Маше. И я спросил о Шаламове, мне было интересно узнать его мнение.

- Стихи мне меньше нравятся, а прозаик он крепкий, хороший. Но страшно иногда читать... Я, знаешь, некоторые страницы едва ли не пропускаю. Но ведь это о прошлом, куда ни шло, а когда нынешние о мерзостях пишут... У Астафьева один рассказ я даже читать не стал. Ну, зачем. Столько вокруг трагедий... мы же видим... И еще в книгах об этом же читать!.. Но вот писатели бьются над бумагой, описать хотят, и себя выразить... Слышал сегодня Олега Чухонцева, поэта? Хороший человек. Но у меня почему-то сочинилось:

*В окно закатывает солнце,
Какие мощные лучи!
А маленький Олег Чухонцев
Чего-то перышком строчит...*

- Ты не оригинален, Гена.

- Но я прав, кажется... Знаешь ведь, как раньше стихи по рукам ходили, их переписывали друг у друга, наизусть знали... А сейчас, я поражаюсь, для кого они пишут, для кого эти конференции, книги? Гонят какую-то рифмованную прозу... Ну, ладно, молчу, молчу, не сердись, завтра договорим...

НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА

Н.И.Кузнецовой

И вновь ей припомнился тот зимний вечер из далекого далека... А был ли он? Конечно, был.

В сознании вырисовывается этот эпизод явственнее, чем другие. Как старый добрый фильм, прокручивает его по-юношески светлая память.

Усталая и разбитая, накрывшись чуть согревающей шинелькой, после тяжелого фронтового дня, лежала она в прохладной землянке. Хотелось забыться и заснуть. Но она пересиливала себя, не давая предаться пусть и тревожному, но все равно сладкому сну, чтобы на короткое время побывать дома, как наяву, пройтись северным лесом, по-мирному осыпать себя снегом, тревожа любимые ели.

“Не буду спать!” - повторяла она про себя. А внутренний голос вел спор: “Зачем? Никто же не вспомнит. Да просто некому об этом знать!” Стало обидно и досадно, как в детстве, даже прикусила губу.

На улице захрустел снег под чьими-то тяжелыми шагами. Хруст слышался все отчетливее. Вот распахнулась дверь в землянку, обдав ее холодным густым паром. Дрогнуло пламя свечи.

Старшина со свертком улыбался. Его немолодой простуженный голос заставил всех приподняться:

- Что ж это, девчата, получается? Завалились спать, забыв о празднике!

- Каком?.. - не понимая, девушки переглянулись.

- Сегодня у нашей Нины - день рождения! - торжественно объявил старшина, подходя к “виновнице” вечера. - Поздравляю, дочка!

Старшина обнял ее, по-отцовски прижав к груди, и вручил подарок, дороже которого не получала никогда - ни в прошлом, ни в будущем. А были то солдатские ботинки, на два размера меньше тех, огромных, что носила она. Примерила с обмотками - оказались почти впору. Какое счастье - хоть танцевать иди!

На столе появился чай, нашелся даже шоколад, сухари. Настоящий пир. А потом - целовались, плакали и пели...

Вспомнили. Да, вспомнили и “шикарно”, совсем по-домашнему отметили тогда фронтовым вечером 43-го день рождения. Самый памятный.

Только вот как узнал о нем пожилой старшина, навсегда останется загадкой.

Она и сегодня проснулась рано, как всегда, словно спеша на уроки. Привычка, выработавшаяся с годами. Уверенной легкой походкой подошла к зеркалу, улыбнулась доброй улыбкой учителя, не смущаясь своих морщин. И с грустью подумала, что торопиться некуда. Поставила на газовую плиту чайник. И вновь нахлынули воспоминания. Воспоминания юности...

Я представляю, как потом она спустится к почтовому ящику, чтобы взять свежие газеты. В нем будут письма, открытки. Много поздравлений по случаю дня рождения.

Долго не погаснет свет в этот вечер в ее окне. Она станет читать послания близких ей людей. Волнением переполнится прекрасное сердце, умеющее всех любить.

И пусть ей вспомнится тот зимний вечер из сорок третьего года, и от этого станет теплее и радостнее.

А свет в окне - как та, самая яркая путеводная звезда январского неба. Что не устает гореть долгие-долгие годы. Как неугасимая лампада.

ЛЕОНИД ЩЕТНЕВ ЕВГЕНИЙ ЛЕБЕДЕВ

Давно уже работает в технике ксилографии известный вологодский художник Леонид Николаевич Щетнев. Он родился в 1942 году в городе Соколе. Участник многих выставок в нашей стране и за рубежом. Кроме станковых гравюр выполнил около трехсот экслибрисов, в том числе для Бурмагиных, Астафьева и др.

Художник Евгений Лебедев сначала занимался скульптурой. В 1984 году впервые взял в руки штихели и уже через несколько лет покориł ценителей своими гравюрами. Впрочем, из-за нашего нелюбопытства Лебедева лучше знают в Европе, чем в России.

Сегодня мы показываем гравюру Евгения Лебедева из серии «Устюжна» и работу Леонида Щетнева «Уокна».

ЭКСЛИБРИСЫ

ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВ И БИБЛИОФИЛОВ

Авторы экслибрисов —
Л. Щегнев, В. Иванов, Е. Лебедев, Д. Капустин

АВТОГРАФ
Поэтический журнал

Издатели:
Вячеслав Белков, писатель
Юрий Малоземов, библиофил

Сдано в набор 2.02.98. Подписано в печать 26.03.98.

